

Апогей

Он был всегда человек увлекающийся и громкий на слова. А что с ним случилось «в чаду войны» (заглавие статьи Розанова в «Н. Вр.») — уму непостижимо. Не знаешь, как и определить. Вот разве: одна юная гимназистка жаловалась в письме, что хочет и не может «довести себя до апогея». Г-ну Л. Андрееву посчастливилось: именно *довел себя до апогея*.

Я заметил, что цитаты из Л. Андреева *sunt odiosa*. Непонятно, однако — факт. Ничего, обойдусь и рассказом об андреевских апогейных действиях. Прежде всего — количество. За какую газетину, за какой журналичко ни возьмись — он! И «День», и «Биржевые», и прочие, а «Отечество» (к счастью в кавычках) так прямо затоплено. Л. Андреев и на сцене Александринки, и на эстраде в виде Бельгии, и в «инициативной группе» печати, вместе с А. Столыпиным, — на собрании в думском зале.

В зале я не был, как проявился апогей г. Андреева там — не знаю. А как в литературе — немножко знаю. «Отечество», например. Это ведь — наш нео-Сатирикон, ежели судить по карикатурам. Сидит на задней странице громадный, в красках, немец и гложет окровавленную человечью кость; а вдали — бледные фигуры «ученых всего мира», бессильно «протестующих». Картинку, очевидно, поясняет статья Л. Андреева, с криком протестующего против протеста ученых и литераторов Москвы, которые протестовали... Впрочем, все знают, против чего они протестовали.¹

Какое же содержание андреевского апогея, или хоть цвет, и вкус, если в «апогеях» не до содержания?

А цвет и вкус обыкновенные. Раз нельзя приводить собственные слова Андреева, — приведу очень близкие, повторяющиеся, г. Андреева, слова В. Розанова («Нов. Время», № 13891): «Этих мерзавцев-немцев надо колотить по морде — ружьем, плетью, кулаком, чем попало... Идите и старый, и малый против этих ученых зверей».

При всем внимании я ни следа еще каких-нибудь мыслей в современном творчестве г. Андреева уловить не мог.

Теперь самое интересное. Об исчезновении г. Андреев в лучах своего же апогея. Слова гремят, но гремят рядом и розановские, и подобные; и ни одна живая душа не слышит именно Андреева. Его отличают, когда он вдруг спадет с голоса и заведет психологию. В этом случае перебрасывают страницу — скучно.

Воды Бельгии не освежили увядших лавров на челе нашего бывшего «пророка». Он глаголет, напрягаясь вовсю, а ему не то что не внемлют, а так, без всякого внимания. Хочешь — глаголь, хочешь — не глаголь. Проглаголят другие.

Разве гимназистка позавидует, если за это время сама не успела «довести себя до апогея». А успела — так ее доля слаще. Глаголать негде, — остригла косу, пошла на войну. По крайней мере, польза.